

РОНСАР

Поэт не вечен. Наступает вечер,
Мерцанье лиц в безумии огня.
Седые кудри падают на плечи:
Срывайте розы нынешнего дня!

Сорвёшь и пронесёшь? — Сорвёшь и кинешь!
Беда, звезда, порыв: люби меня,
Проигран бой, смешон и горек финиш —
Срывайте розы нынешнего дня...

Как жить, старик, молитвами твоими?
Нам не до смеха — мы живём бегом,
Нам не до плача — мы живём во имя!
Нам петь одно и думать о другом.

Мы близоруки, доблестные друзья,
Нам не видать тропы в обход углов,
Мы в пустоту протягиваем руки —
Не дотянуться до высоких слов...

Нам смель, терпеть, брехать из подворотен,
Спасать — спастись, ближнего вина.
Но старец непреклонно-старомоден:
Срывайте розы нынешнего дня!

1973

* * *

Ну, что будем с тобой?
Усадишь, закутаешь: пой!
Так нет же — босою стопой
Ступает на снег голубой...
Да кто тебя держит — иди,
На серый порог упади.
Ложатся четыре пути
Крестом на усталой груди.
И я поднимаю глаза
И вижу я Лазаря, пса...
Спектакли дают небеса
С участием Бога-Отца.
И бродят во мне времена,
Так в тёмной бутылки вина
Гуляет хмельная волна.
Глаза закрываю — она!
Листаю впотьмах календарь,
И тает на пальцах январь,
Слетает на крышу, как встарь,
Облепленный снегом почтарь.
Читаешь письмо при свече,
А голубь сидит на плече.
У ног же на бедном плаще
Любовники спят на мече.
Опять нарушает покой,
Сбегает, скользнув под рукой,
По улицам бегать нагой,
Балуется в пене морской...
Продрогнув, с больной головой
Домучаешь день трудовой,
Дойдёшь до своей Беговой —
На лестнице спит винтовой...
Разденешь, положишь с собой,
За яблоком сходишь — разбой!
Она уж босою стопой
Ступает на снег голубой...

1976

* * *

Кондитерских вечерних волшебство,
А в варежке копеечки звенят...
На саночках с горы. Искрится снег,
И ветер набивается в глаза,
И в валенки, и в рот. А наверху
Стоит с авоськой мать.
На матери осеннее пальто.
Сейчас домой загонит — а урок
Не выучен, конечно, ни один.

1976

* * *

Уж и так на помине легки вечера —
Видно, скоро придут снегопады.
Мы могли бы, пожалуй, остаться вчера,
Но теперь мы кругом виноваты.

Мы в нетопленном доме побудем в пальто,
И да минет нас пуще падучей
Эта птичья отвага приладить гнездо
На какой-нибудь ветке летучей.

Я и память не знаю куда понесу.
Первый снег засквозил по дорогам.
Белый путь, одиночный, как выстрел в лесу,
Отрешённо лежит за порогом.

Там словесность балы задаёт, как бои,
На педантов идут дилетанты.
И легки аравийские кони мои,
Безупречны твои секунданты.

1976

* * *

Поспел в аббатстве красный виноград.
Я не хожу в скрипучие ворота.
Там всё народ. Там пастушок, мой брат,
И мать моя, родившая уродца.

Карабкаюсь по лестнице витой,
Забрасываю камень за ограду.

Серебряный мой голос, золотой! —
Бог подарил вдобавок к винограду.

Я славлю щедрость горькую твою,
Учу латынь, пишу, пишу в тетради,
И в винограде прячусь и пою.
Сижу и плачу в красном винограде.

1977

* * *

Лишь поникая в сумраке целебном,
А то весь день на потолке лепном,
Играет свет диковинным пятном,
Последним летом вздрагивая вслед нам.

И вся-то зависть к тапочкам балетным,
И вся мечта о стёклышке цветном,
Став памятью о дальнем и родном,
Проскачут на лихом коне, на бледном.

Последний лес ошеломит листвою,
Но вот чертёж окончен чистовой
И новый день встаёт почётным пленом.
И, прошумев над ранней мостовой,
Влетает лист, как пыльный вестовой.
Ну вот и ночь отстоена молебном.

1977

* * *

Л. К.

Ты на моё отчаянье похожа.
Стоит звезда над сушей и водой.
Горит душа, и холодеет кожа,
И расцветает лютик золотой.

Дни выпадают, как дожди, и гаснут,
Как только дни, и как одним глотком,
Одним дыханьем говоря: «А вас тут
Забудут всех, не вспомнят ни о ком».

И ты мне скажешь, руки отнимая,
Что счастья нет, есть ветер и вода.

Затмилось сердце, слов не понимая,
И ветка ивы брошена туда.

Есть что-то в даре вечное, как в горе,
Привычное, как верность и тоска,
Как та река, впадающая в море,
Идущее волной на берега.

И это жизнь. Её узор подвижен,
У ней изнанки нету никакой,
А на лице, среди цветов и вишен,
Мы вышиты коснеющей рукой.

Уже темны и тягостны посулы,
Сквозят черты, как ветер из дверей,
Сквозь плутни школы, сквозь глаза и скулы —
Деревьев, лодок, стен монастырей.

О эти дара вечные подарки,
Перерожденья, бденья забытьё!
А всё твои, Олимпия, огарки,
Твои и рисованье, и шитьё...

1978

* * *

Купите красных роз на золотой —
Нет ничего прекраснее на свете!
По пряже улиц, солнцем залитой,
Гуляют дамы, господа и дети.

— Мы за гаданье отдали его.
Нет ничего напраснее гаданья.
Есть выше цель, и горше есть страданье,
Но только нет напрасней ничего.

— Купите книг стихов на золотой!
Нет ничего прекраснее на свете.
По нежной коже, кровью налитой,
Гуляют дамы, господа и дети.

— Мы за гитару отдали его.
Нет ничего на свете веселее.
На свете есть занятия милее,
Но веселее нету ничего.

1979

* * *

Мне очень нравятся сыпучие тела.
И вот я в Юрмале, песок пересыпаю.
Для альбатроса здесь могилу я копаю.
Пусть птица мёртвая лежит, где умерла.

Мне скажут в Юрмале: «Я вас любил давно,
Ещё всё больно мне. И я скажу: «Да полно,
Вот птица мёртвая, и музыка, и волны —
Вот что мне дорого, а это — всё равно».

И тут опомнюсь я — такой ли я была?
И вдруг обрадуюсь, что я такую стала,
Что память кончилась и музыка настала,
И птица мёртвая лежит, где умерла.

А в Риге вечером английский пианист
Играет с нежностью застенчивого лорда.
И дуют свежие, сырые струи норда,
И ангел падший кружится, как лист.

1979

* * *

Всё кончится. Мы встанем в полшестого,
Погасим свет и выйдем в ворота.
Возьмём мы только шара золотого
С холодного и мокрого куста.

В ненастный год от Рождества Христова
Мы в этом доме спали на полу.
О смерти приказание готово.
О Господи, последнюю стрелу
Ты вынул из колчана золотого.

С корзинкой яблок, в ватнике военном,
Старуху-жизнь мы встретим на пути.
Горит в лесу свеча по убиенным.
Ни жизнь прожить, ни поле перейти.

На станции, читая расписание,
Ты скажешь: «Совесь, кажется, чиста».
Подписано о смерти приказанье.
О, вспомните родимые места!

1980

* * *

Серых бабочек лёт утомлённый
Наполняет печалью наш дом.
Весь июнь, голубой и зелёный,
Закипает сиренью и льдом.

Под навесом спасается дачник,
Он дрожит, как плохой ученик.
Но гроза открывает задачник,
Как отличник над стопкою книг.

Вмиг она уравнение решила
И, сверкая семейством кривых,
В небе быстрая молния сшила
Царство мёртвых и царство живых.

Пусть вам скажут, что мы не убиты,
Потому что и не было нас.
А мы веткой весёлой увиты,
И дождём освежённые плиты
В этой зелени радуют глаз.

1981

* * *

Оливье, моё дело труба. И как рог затрубит,
Эти горы, равнины и пропасти скажут: убит.
И прокатится жуткое, краткое имя моё,
Фиолетовый отсвет бросая на меч и копье.
Я бы всё рассказал, да забыл я, кем был до сих пор.
Моё имя гремит по ущельям и кратерам гор,
А меня уже нет, только отсвет дрожит на копье.
Юность лёгкая лет, фиолетовый свет, Оливье...

1982

* * *

На бабочек умерших на окне
Я умиляюсь — бедные, оне
Прижали лапки, как бы умоляя.

Сгустилась ночь, настала темнота.
С кривой усмешкой храброю у рта! —
Ужели плакать, землю оставляя?

Уж сколько лет упорною лозой,
Ушедшею корнями в мезозой,
На благо всех душа плодоносила!

Но люб прелюбодей и лиходей,
И только нас не надо средь людей.
И вот поля песком позаносило...

1984

* * *

1

Правительство птиц принимает решение: отлёт.
Возможно ли ждать, окликая? Станицами птиц
Мы ринемся в небо над светом и дымом столиц.
Звезда опрокинется в сердце, и время умрёт.

Над меркнувшим лесом, над тихой и светлой рекой
Там держит нас ветер холодной и властной рукой.
Над петлями улиц — Ты этого хочешь, Отец, —
Где племя людское содержат в борьбе бесполезной,
Там держит нас рыцарь могучий в перчатке железной.

2

Но кто обернётся, мне мил,
И местность родную запомнит.
Из тех, кто ещё не любил,
Но памяти дело исполнит.

Какой-нибудь птичий корнет —
Восторжен и холоден, холост!
Валторна, труба и кларнет
Его перепробуют голос.

Из тех, кто вернётся всегда
В леток из кинжалов и стёкол.
Свиданье, живая вода!
Какой-нибудь юноша-сокол.

1984

В нас прежние ночи ночуют,
Дни прошлые нас бережат,
И птицы, что мёртвое чуют,
Непрошены в гости летят.

Гонцы к нам с пакетами скачут,
Но пишут не те, не о том.
И девушки первыми плачут,
Но юноши плачут потом.

Кто думал: апрель не нагрянет?
Как вальдшнеп, апрель упадёт.
И юное горе проглянет,
Как тоненький месяц взойдёт.

Он весь в месяцах и подковах,
Он весел и с вестью спешит.
Но в спаленках, в дальних альковах
Он письмами, плача, шуршит.

Как воздуху нам не хватает!
Мы встанем, меняясь в лице.
В нас быстрая птица летает,
Без имени, в жёлтой пыльце!

О, юности чистые метки,
О, нитки её, вензеля!
Как в окнах качаются ветки,
Беспутных гостей веселя!

Мы гости. Нам надо прощаться.
Мы будем стоять на крыльце,
И быстрые птицы промчатся
Без имени, в жёлтой пыльце.

Вот падает с пальца кольцо, уходя
В железные лезвия вод.
Что ж, память, прощай. Беспощадна ладья,
Которая строилась год.

Так, жизнь на печаль и забвенью деля,
Так, ночь проницаая иголь,

Мы ринемся в бездну, где Винланд-земля
Лежит за снегами и мглой.

Пять рек, да три моря, да озеро с плеч —
Прошли же мы, видишь, Иван!
И вот нам осталось с тобой пересечь
Всего лишь один океан.

1986

* * *

Олива, Олива! В твоих переливах и звонах
Семь снов горделивых, семь ангелов чёрно-червонных.

Распахнуты ставни, как доски старинного тома.
Сон дан был нам славный, но больно он давний — мы дома.
Дом с окнами в сад, на цветущую вишню и сливу.
В те годы назад. Там живут, вспоминая Оливу.

А ты молчалива под медленной местью созвездий.
Все годы, Олива. Уж годы, как нету известий.

Лишь вязнут колёса, и в прошлое рушится дверца.
Там пролиты слёзы и пролиты капли от сердца.

Там спят, как убиты, на вечность имевшие виды.
Олива, мы квиты. На бывшее нету обиды.

Так речка течёт к прихотливым извилам залива.
Покончим все счёты. Прощай же. Счастливо, Олива.

1989